

— А что насчет левой главы? — в один голос спросили Мо Инь и Мо Янь.

Мо Чунь пожалел, что вообще заговорил об этом.

— Кхм, ну, с левой главой... тут, собственно, и сказать нечего. Просто этот пост занимает женщина, а когда глава Долины уезжает по делам, она вечно крутится рядом. Вы же знаете, люди любят посплетничать. Видят, что такая пара постоянно вместе, вот и напридумывали всякого, даже детей им успели нарожать! — Мо Чунь выглядел явно смущенным.

— И впрямь, заняться им больше нечем, — бесстрастно отозвался Мо Янь.

— Давайте закончим разговоры, измерим всё необходимое и разойдемся по делам, — Мо Инь поспешил сменить тему.

Мо Янь выбрал шесть отрезков ткани, в общих чертах описал желаемый фасон одежды и направился обратно. Изначально он планировал, что двух нарядов, полученных перед праздником, хватит им с Цзюнь Тяньяо по одному на каждого. Однако, проходя мимо другой лавки, он заметил еще один халат.

Ткань была нежно-белого цвета, но ближе к рукавам и подолу оттенок постепенно становился насыщеннее, переходя в алый. Это напоминало лепестки персикового цвета: лишь у самого основания, там, где скрывались тычинки, краска была густой. Поверх халата шла накидка из белого прозрачного шелка, из-за чего алый цвет на рукавах и подоле казался еще более призрачным и туманным. Если надеть сверху однотонный плащ, должно получиться просто великолепно.

Он вспомнил, что, находясь в Долине Яньюэ, Цзюнь Тяньяо предпочитал темные тона. Светлое на нем он видел, кажется, лишь в день их первой встречи. Вероятно, тогда, в снежную погоду, в белом было проще скрыться. Поддавшись порыву, он достал деньги и купил этот халат.

Победишь — будешь пировать с гостями, слава твоя разнесется по миру; проиграешь — встретишься с владыкой преисподней, а кости твои будут лежать на поле боя.

Это обещание он дал самому себе в присутствии Хуа Гуэра. Но в итоге Мо Янь лишил его даже возможности проиграть достойно. Заточив в этой тесной клетке, он день за днем глумился над ним, не давая даже права умереть.

Что ж, раз этот человек жаждет мести и унижения, разве позволит он ему так легко уйти из жизни? — с горькой усмешкой подумал Цзюнь Тяньяо.

Но как он мог смириться с ролью чужой игрушки? Глядя на горячий источник под каменным мостом, он гадал: если прыгнуть туда, наступит ли конец? Эта мысль внезапно открыла ему, что он сопротивляется смерти. В самом начале, когда его руки и ноги были искалечены,

внутренняя энергия истощена, а его ежедневно подвергали унижениям, он каждую секунду мечтал умереть. Но Мо Янь всякий раз не позволял этому случиться. Постепенно мысли о самоубийстве утихли. К тому же, после долгих упражнений он уже мог ходить, пусть и недолго.

Теперь умирать хотелось еще меньше. Он верил, что рано или поздно сможет сбежать — снаружи его ждал огромный, необъятный мир. Нет, здесь умирать нельзя. Даже если суждено погибнуть, это должно случиться за пределами тайной комнаты, а не в таком позоре...

Когда Мо Янь толкнул дверь, он увидел, что Цзюнь Тяньяо пытается палочками подцепить персиковое пирожное со стола. На душе стало радостно: желание совершить такую простую вещь означало, что в нем еще теплится воля к жизни. Услышав скрип двери, Цзюнь Тяньяо даже не обернулся — он знал, кто вошел. Он положил палочки и молча направился к кровати.

Мо Янь не рассердился. Он сел рядом, тихо глядя на него, и молчал. Цзюнь Тяньяо чувствовал себя под этим взглядом крайне неудобно, но, повернув голову, заметил в руках у Мо Яня сверток. Похоже, новая одежда.

Когда его только заточили здесь, Мо Янь считал, что раздевать его каждый раз перед тем делом — лишняя трата времени, поэтому оставлял его нагим. День за днем он лежал на постели, ожидая очередного унижения. Позже, когда сопротивление стало слишком яростным, Мо Янь начал приносить ему свои чистые вещи. Это были лишь нижние рубахи или исподнее, но хоть что-то. А сейчас он принес целый халат. Интересно, что у него на уме?

— Скоро Новый год, тебе пора сменить одежду, — Мо Янь, казалось, прочел его недоумение.

Долину Яньюэ уничтожили в середине лета, а сейчас приближался праздник — прошло уже больше полугода.

— Больше полугода, — с тоской отозвался Цзюнь Тяньяо.

Мо Янь промолчал, лишь улыбка исчезла с его губ. Он пристально смотрел в глаза Цзюнь Тяньяо, словно пытаясь заглянуть в самую душу. Цзюнь Тяньяо не отвел взгляд.

— Наши счета пора свести к нулю. Я держал тебя в заточении полгода, а ты в ответ сломал мне руки и ноги, лишил силы и полгода измывался надо мной. Мы в расчете.

Мо Янь не ответил, лишь костяшки пальцев, сжимавших одежду, побелели.

— Когда ты собираешься меня отпустить? — не унимался Цзюнь Тяньяо.

Мо Янь молчал.

...Тело Цзюнь Тяньяо, долгое время бывшее объектом утех, стало невероятно чувствительным. Мо Янь знал каждую его точку, и вскоре Цзюнь Тяньяо, обмякнув, беспомощно повис на нем, тяжело дыша. Мо Янь больше не сдерживался: он уложил его на кровать и взял свое.

После бури Мо Янь, тяжело дыша, лежал на Цзюнь Тяньяо. Глядя на человека под собой, чьи глаза были полузакрыты после недавнего экстаза, а губы приоткрыты в прерывистом дыхании, он испытывал огромное удовольствие. Желание вспыхнуло вновь, но тут он заметил, что глаза Цзюнь Тяньяо, до этого подернутые туманом, широко распахнулись и в них блеснул ясный, холодный рассудок.

— Что именно ты хочешь от меня получить, чтобы наконец отпустить?

<http://bllate.org/book/20959/2126310>